

Хань Мин, разумеется, заметил, как изменился цвет его глаз.

Под сплошной стеной проливного дождя этот золотой блеск напоминал одновременно и солнце, и луну, словно во взор в один миг вобрались мириады созвездий. Вспыхнувшее золото горело так неистово, словно способно было воспламенить саму ночную тьму.

Словом, эффектнее не придумаешь. Чистой воды позёрство.

Подобную мгновенную смену цвета глаз он не раз наблюдал на Поле битвы Восточного сектора — вот только прежде главным героем этого зрелища неизменно становился Восточный владыка Дун Яо. Всякий раз, когда глаза Дун Яо отливали серебром, вокруг громоздились горы растерзанных туш инопланетных тварей.

Повышало ли подобное преображение боевую мощь владык звездных секторов, Хань Мин не знал. Как бы там ни было, это давно считалось неоспоримым доказательством королевского величия.

Однако, если вспомнить правителей прошлых эпох, при сильном потрясении или активации врожденного таланта их взор менялся лишь на серебряный, и то временно. Ни о каком золотом блеске никто и никогда не слышал. К тому же глаза владык обретали эту способность лишь после того, как те официально восходили на престол.

Так что же, черт возьми, происходило с ним сейчас?

Неужели его безумная догадка оказалась правдой, и Воля Вселенной действительно узрела в нем истинного императора?

«Что за глупость».

Чем сильнее закипала внутри Хань Мина ярость, тем ярче и пленительнее сияло золото в зеркале, затягивая и лишая воли.

Хань Мин прекрасно понимал: пускай ему претила роль послушного слуги, остающегося «ниже лишь одного», но и превозноситься «выше сотен миллионов» он не собирался.

Есть ли у него императорский потенциал, суждено ли ему стать правителем Вселенной — это касалось только его самого. Ему не требовалось подтверждения в виде золотых зрачков, и уж тем более он не нуждался в одобрении так называемой Воли Вселенной.

«Тошнит от этого...»

Вглядываясь сквозь пелену влажного пара в собственное отражение, Хань Мин горько

усмехнулся в третий раз за ночь.

Но злость — плохой союзник. Когда он снова поднял взгляд, на лице уже не осталось и следа эмоций. Золото в его глазах угасло, уступая место привычной глубокой черноте.

Вот только теперь по самому краю радужки пробегал едва заметный золотистый ободок, ставший чуть отчетливее, чем прежде.

А за окном бушевала гроза, яростно обрушивая тонны воды на засыпающий мир.

В коридоре бокового зала Лин Чжоу, казалось, совершенно не замечал пронизывающего ночного холода. Промокшая насквозь форменная одежда липла к телу, но он даже не думал переодеться. Он шел по коридору с абсолютным, леденящим равнодушием.

Его не волновала непогода. Его не волновал он сам.

В его безупречном сознании попросту отсутствовало такое понятие, как личный интерес или забота о себе.

Однако в то самое мгновение, когда в глазах Хань Мина вспыхнуло золото, Лин Чжоу замер на месте. Он медленно повернул голову и уставился на закрытую дверь спальни своими собственными золотыми зрачками.

Лишь когда сияние за стеной окончательно угасло, он возобновил свой неспешный путь к соседним покоям.

Бессонная ночь дала о себе знать — наутро Хань Мин проснулся гораздо позже обычного.

Но стоило ему приоткрыть веки, как на терминал, невзирая ни на какие бури, пришло ежедневное утреннее приветствие от Воли Вселенной.

«Доброе утро, дорогой.

Сегодня днем облачно с прояснениями — отличный повод выйти на прогулку.

Если на душе скверно, развейся. Теплые лучи солнца растопят любую печаль.

Или ты предпочтешь остаться дома и хорошенько выспаться? Такая погода располагает к ленивому отдыху.

Если и это не по нраву, быть может, ты больше любишь дождь? Что ж... Если это принесет тебе

радость, я могу устроить.

Ты ведь знаешь: где бы ты ни находился на бескрайних просторах этой Вселенной, мой взор всегда обращен к тебе.

Я лишь хочу, чтобы ты улыбался, мое Солнце, моя Звезда».

«А Воля Вселенной делает успехи на любовном поприще».

Бегло пробежав глазами очередное послание, Хань Мин цыкнул зубом.

Пожалуй, если бы все перспективные разумные во Вселенной получали подобную порцию обожания, неудивительно, что они кожей вон лезли, карабкаясь на вершину силы.

Впрочем, насколько ему было известно, он оставался единственным, кого Воля Вселенной достаивала такой нежной заботы.

Каждый день новые слова, ни единого повторения. Подумать только, у этого космического колосса нет и крупинки настоящих чувств, но он так усердно разыгрывает влюбленного. Даже Хань Мин невольно признавал: чертовски сложная работа.

Вот только все это было фальшивкой. Вспомнив вчерашнее, абсолютно лишенное человечности поведение Лин Чжоу, Хань Мин мысленно усмехнулся.

Как ни маскируй бездушный механизм под живое сердце, он так и останется грудой холодного железа.

Пусть слащавые речи космического разума разительно отличались от того, что изрыгал его человеческий аватар Лин Чжоу, суть у них была одна.

И если Воля Вселенной вознамерилась разыграть перед ним трогательный роман, ей стоило сперва поинтересоваться, согласен ли он участвовать в этом фарсе.

По привычке проигнорировав сообщение, Хань Мин полежал еще немного, после чего поднялся, привел себя в порядок и вышел в коридор.

Было уже около десяти часов утра, но стоило ему переступить порог спальни, как он наткнулся на Лин Чжоу, подпирающего плечом стену. Тот явно ждал его.

— Пойманные на границе инопланетные твари заперты в трюме корабля, — без предисловий доложил Лин Чжоу.

Если бы вчера этот невыносимый тип начал разговор с дела, а не со своих дурацких выходок, разве Хань Мин вышел бы из себя? Подавив вспышку глухого раздражения, он сосредоточился на главном и начал расспрашивать подробности.

В оригинальном романе упоминалось, что через год на Восточный сектор обрушится колоссальная волна инопланетных тварей.

Эта катастрофа, унесшая жизнь Восточного владыки из-за обострившихся старых ран, зародилась как раз на стыке границ Восточного и Южного секторов. Из-за столь слепого географического положения ни одна из сторон вовремя не заметила угрозу, позволив полчищам чудовищ беспрепятственно расплодиться.

Зная будущее, Хань Мин под благовидным предлогом отправил Лин Чжоу на разведку, намереваясь вырезать гнездо тварей до того, как они наберут силу и превратятся в сметающий все на своем пути ураган.

— Удалось найти их логово? — спросил Хань Мин.

— Нет, — покачал головой Лин Чжоу. — Попалось лишь несколько разрозненных особей.

«Не нашел или даже не пытался искать? — Хань Мин мысленно хмыкнул. — Ответ очевиден».

Для Воли Вселенной имело значение лишь выживание мироздания в целом. Люди, инопланетные бестии — для нее все они были одинаковыми букашками. Лин Чжоу мог по его приказу пролететь миллионы световых лет и притащить пару экземпляров для опытов, но он никогда не выдаст координаты главного гнезда раньше времени. Разумные должны найти его сами.

В этом и заключалась истинная природа Воли Вселенной.

Она кажется своенравной, но на деле строго следует своим невидимым законам.

Впрочем, неважно. Хань Мин изначально сослался на то, что патрули зафиксировали тепловые сигнатуры на границе, и отправил Лин Чжоу лишь проверить слухи. Он и не рассчитывал, что Воля Вселенной преподнесет ему готовые ответы на блюдечке.

Для поисков гнезда у него имелись другие планы.

Закончив расспросы, Хань Мин сухо кивнул, обошел Лин Чжоу и направился к тренировочному залу. Стоило ему переступить порог, как он захлопнул тяжелую дверь прямо перед носом следовавшего за ним помощника.

С тех пор жизнь Хань Мина вошла в размеренную колею. Он либо занимался бумагами, либо пропадал на тренировках.

Поскольку он изначально планировал постепенно отойти от дел дворца, времени в симуляторах и на спарринг-площадках он теперь проводил куда больше, чем за рабочим столом в кабинете.

Стоило ему выкроить свободную минуту и выбраться в жилую зону, как вероятность «случайных» встреч с Ань Ином возрастала в геометрической прогрессии.

Сам Ань Ин при виде него готов был взвыть от отчаяния — один бог знал, через какие круги ада ему пришлось пройти за последние недели!

На самом деле, еще до того как переступить порог Восточного королевского дворца, дипломат твердо нацелился на место правой руки правителя. Нынешний Восточный владыка взошел на трон недавно, вакансий при дворе хватало, а занимавший пост помощника владыки Хань Мин славился на всю галактику своей ленью и быстрой потерей интереса к делам.

Ань Ин был уверен: стоит ему пустить в ход свой козырь, и должность у него в кармане.

Его врожденный дар был слишком читерским, чтобы проиграть.

****[Название таланта: Очарование]****

****[Ранг таланта: S]****

****[Эффект 1: При активации цель, на которую направлен ваш взор, проникается к вам глубокой симпатией и беспрекословно подчиняется вашим приказам. Существует вероятность провала; шанс успеха и длительность воздействия зависят от индивидуальных характеристик цели. Независимо от исхода, талант можно использовать на одном и том же существе не чаще одного раза в семь дней.]****

****[Эффект 2: Владелец таланта наделен пассивным обаянием, погружающим любого в радиусе двух метров в состояние полного покоя и расслабления.]****

****[Описание таланта: «Раз этот мир не полюбил тебя, заставь его задохнуться в любви».]****

За годы практики Ань Ин выяснил, что, если не брать в расчет врожденную бдительность и ментальную стойкость жертвы, легче всего его чарам поддавались те, кто уже испытывал к нему симпатию. А благодаря ауре пассивного обаяния ему было достаточно просто находиться рядом с нужным человеком какое-то время, чтобы тот незаметно для себя проникся к нему дружелюбием.

Этот тандем работал безотказно, обеспечивая эффективность воздействия не ниже семидесяти процентов.

Однако обитатели Восточного королевского дворца устроили ему жестокую проверку на прочность.

В его личном черном списке лидировали трое. Имена этих монстров — Дун Яо, Лин Чжоу и Хань Мин.

Официально Ань Ин зарегистрировал в Восточном секторе лишь пассивный талант «Обаяние». С момента прибытия во дворец он ни разу не задействовал активное «Очарование», полагаясь исключительно на природный магнетизм.

Он жаждал обожания, но не был неразборчив.

Любовь — обоюдоострый клинок, и Ань Ин понимал это как никто другой. Чувства, вызванные гипнозом, недолговечны и фальшивы, словно картонный домик при урагане. По возможности он предпочитал добиваться искреннего расположения, не прибегая к прямому насилию над чужой волей.

Тем не менее пассивную ауру он держал включенной постоянно.

Именно поэтому во дворце его любили буквально все.

Все, кроме трех ключевых фигур Восточного сектора, на которых его чары не возымели ровным счетом никакого действия.

За целый месяц он пересекся со своей главной целью, Дун Яо, от силы пару раз. Когда во дворец наконец вернулся Хань Мин, Ань Ин решил зайти с фланга и втереться в доверие к помощнику владыки. Но какова была реакция?

При первой же встрече Хань Мин без лишних слов завалил его кипой отчетов.

Во второй раз, когда Ань Ин попытался «случайно» пройти мимо тренировочного зала и мило поздороваться, Хань Мин просто затащил его внутрь и активировал режим экстремальной индивидуальной подготовки. Дипломат выполз оттуда на полусогнутых ногах, не в силах даже говорить от усталости.

Ань Ин так и не понял, было ли это проявлением дружеского участия или изощренным издевательством.

Но самое страшное случилось потом: стоило ему немного перевести дух, как Хань Мин с

улыбкой вручил ему новую стопку документов!

Да, Ань Ин действительно стремился получить доступ к государственным делам Восточного сектора, но он представлял себе это совершенно иначе!

Поначалу он упрямо не желал сдаваться: днем подкарауливал помощника владыки, а ночами, проклиная все на свете, разбирал бумаги. Спустя полторы недели такой жизни под глазами бедолаги залегли глубокие тени, а нескончаемый поток папок из кабинета Хань Мина даже не думал иссякать.

Когда измученный дипломат попытался было деликатно отказаться от дополнительной нагрузки, Хань Мин лишь мягко улыбнулся и произнес:

— Кто везет, на том и едут. У тебя отлично получается.

В ту секунду Ань Ину до безумия захотелось плюнуть на все меры предосторожности и применить к этому гаду свое «Очарование».

Не ради плотских утех, а исключительно ради того, чтобы Хань Мин наконец перестал швырять в него этими проклятыми отчетами!

Но едва эта мысль зародилась в его голове, Лин Чжоу — вечно безмолвной тенью следовавший за Хань Мином — мгновенно вскинул голову. Его ледяной взгляд полоснул Ань Ина с такой силой, что у того кровь застыла в жилах.

Проведя во дворце немало времени, Ань Ин, разумеется, пытался разузнать хоть что-то об этом телохранителе.

Слухи твердили, будто Лин Чжоу — наемник, нанятый влиятельным отцом Хань Мина из Южного сектора для защиты сына.

Ань Ин лишь презрительно фыркнул на эти басни.

Даже если закрыть глаза на то, что горе-отец бросил Хань Мина в трущобах Северного сектора сразу после рождения и «вспомнил» о сыне только после его совершеннолетия, оставался один резонный вопрос. Каким образом обедневший южанин умудрился нанять монстра уровня Лин Чжоу?

Даже Ань Ин, далекий от боевых искусств, прекрасно видел: этот парень по силе едва ли уступал самому Восточному владыке.

И такой гигант будет безропотно служить Хань Мину?

Версия о найме трещала по швам.

Вспоминая все, что ему довелось наблюдать за последнее время, Ань Ин приходил к иным выводам.

Будучи экспертом в делах сердечных, он сразу заметил, что Хань Мин откровенно игнорирует своего спутника.

Но Лин Чжоу это ни капли не смущало. Стоило Ань Ину приблизиться к помощнику владыки, как из-за плеча Хань Мина неизменно вырастала фигура наемника.

Недавно Хань Мин сорвался посреди ночи ради спасения своего ручного попугая Гунчжу, а Лин Чжоу без колебаний бросился следом сквозь грозу и ливень. И шел он явно не за птицей.

К тому же, пусть во дворце все носили форменную одежду, детали выдавали их с головой. Рубашки, изящные запонки, пряжки ремней и даже сапоги — все это у них было сшито на заказ в одном ателье, у одного и того же личного кутюрье.

Сопоставив факты, Ань Ин пришел к выводу, что гуляющие среди слуг сплетни о «побеге влюбленных» звучат куда правдоподобнее нелепой сказки про заботливого отца.

Хотя, судя по вечно холодному лицу Хань Мина, это Лин Чжоу в одностороннем порядке преследовал свою цель, подобно преданному псу.

В глазах этой сторожевой овчарки существовал лишь один хозяин. Пытаться привлечь внимание подобного типа с помощью пассивного обаяния было абсолютно бесполезно. Лин Чжоу даже не смотрел в его сторону.

Точнее, смотрел. Но исключительно тогда, когда обещал взглядом свернуть дипломату шею.

В общем, ситуация зашла в тупик. Дело было уже не в том, хочет ли Ань Ин задействовать свой дар или нет.

Он прибыл в Восточный королевский дворец ради власти, славы и всеобщего обожания.

Но если так пойдет и дальше, он не только не сбросит Хань Мина с его поста, но и превратится в обычного клерка, погребенного под лавиной макулатуры!

Природа Ань Ина требовала любви. Его талант «Очарование» не позволял ему оставаться в тени — жажда внимания была его проклятием и движущей силой.

Взвесив все за и против, он решился на отчаянный шаг. Пусть шансы на успех активного принуждения были невелики, Ань Ин медленно повернул голову в сторону величественного силуэта главного зала.

Туда, где восседал сам Восточный владыка Дун Яо.

В то же самое мгновение Хань Мин стоял у панорамного окна тренировочного зала. Его взгляд, холодный и расчетливый, провожал удаляющуюся фигуру дипломата, пока тот не скрылся за массивными дверями главного зала.

<http://bllate.org/book/18306/1755314>